

- Десницкая, А. В. (1984), *Сравнительное языкознание и история языков*, Ленинград.
- Крысько, В. Б. (1986), "Проблемы развития синтаксической системы балтославянских языков (транзитивные возвратные глаголы)", *Известия Академии наук Латвийской ССР* 2, 35-43.
- (1991), "Семантико-синтаксические особенности глаголов обучения в славянских языках", *Scando-Slavica* 37, 130-143.
- Попов, А. В. (1881), *Синтаксические исследования*, Воронеж.
- Потебня, А. А. (1958), *Из записок по русской грамматике*. Т. I-II, Москва.
- Спрогис, И., изд. (1868), *Памятники латышского народного творчества*, Вильна.
- Степанов, Ю. С. (1989), *Индоевропейское предложение*, Москва.
- Шахматов, А. А. (1941), *Синтаксис русского языка*, Ленинград.
- Явнис, К. О. (1916), *Грамматика литовского языка*, Петроград.

Институт русского языка РАН
Волхонка 18/2
121019 Москва
Россия

Вадим Крысько

Marginalia to the Baltic verb

WILLIAM R. SCHMALSTIEG

(University Park, Pa)

Abstract

This paper discusses two separate aspects of the Lithuanian verbal system: I. the Lithuanian 2nd singular present verbal ending and II. the Lithuanian preterit. In part I the author suggests that the Lith. 2nd sg. ending *-i* (reflexive *-iesi*) may derive from such forms as **es-si* which with the simplification of the geminate passed to Lith. *esi* 'you (sg.) are'. A second possible origin is in (Lith.) 2nd conjugation verbs (*minėti* type) in which an etymological Indo-European **mṇ-óy* > East Baltic **mṇ-ē* > **min-ie* > Lith. 2nd sg. *mini*. Other notions concerning the 2nd sg. ending are discussed. In part II the author reaffirms his notion that (at least for certain verbs, e.g., Lith. *vėsti*, *nėšti*) the preterit ending **-ē* (Lith. *-ė*) is to be connected with the Slavic aorist, e.g., *vede*, *nese*. The objection that one might expect **-ā* since the Baltic present tense thematic vowel is *-a* is shown to be invalid. The unification of the present tense thematic vowel as *-a* was introduced to keep the **je/o* and **e/o* stems apart. At least at an early date the **j-* suffix was not a preterit formant.

I. THE LITHUANIAN 2ND SINGULAR PRESENT VERBAL ENDING

The Lith. 2nd sg. ending *-i* (reflexive *-iesi*) may derive from the thematic verbs. Thus the 2nd sg. **es-si* (with the expected simplification of the geminate) would have passed to Lith. *esi* 'you (sg.) are', and by reanalysis the ending would have appeared to be *-i* (Kazlauskas 1968:299).

Bibliography

- Hamp, Eric P. (1969), "Notes on *Słownik etymologiczny języka polskiego* III, 2", *Rocznik Slawistyczny* 30, 44-5.
- (1972), "παρθένος and its cognates", in: *Homenaje a Antonio Tovar*, Madrid: Gredos, 177-180.
- (1973), "North European 1000", in: *Papers from the 9th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*, 13-15 April 1973, Chicago: CLS, 172-178.
- (1991), "Bouges, Boug(e)y, Bolg, Blatobulgium", *Zeitschrift für celtische Philologie* 44, 6-9.
- Mažiulis, Vytautas (1988), *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*, vol. 1: A-H, Vilnius: Mokslas.
- Stang, Chr. S. (1966), *Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*, Oslo etc.: Universitetsforlaget.

University of Chicago
Dept. of Linguistics
1010 E 59th St.
Chicago, IL 60637, USA

Eric P. Hamp

ДВОЙНОЙ ОБЪЕКТНЫЙ ВИНИТЕЛЬНЫЙ И ТРАНЗИТИВНЫЕ
ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ В БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

ВАДИМ КРЫСЬКО

(Москва)

Abstract

This article is devoted to Baltic and Slavic constructions with the double object accusative and to transitive reflexive verbs. The double accusative rection of the verbs of movement and teaching takes roots in their causative character. The research of Old Russian sources which has been carried out by the author makes it possible to enlarge the list of such constructions in Slavic area and at the same time supplements the few Baltic data. The phenomenon in question has evident parallels in oldest Indo-European languages and has probably the Proto-Indo-European origin. The specific Balto-Slavic reflexives derivated from the causatives corroborates the long-standing status of the double accusatives. These structures have also a common ground in the Baltic and Slavic languages and can be considered as a legacy and development of the Indo-European semantical and syntactical relations.

До настоящего времени в письменных памятниках, фольклоре и говорах балтийских языков засвидетельствованы лишь отдельные примеры двойного объектного винительного, т.е. сочетания транзитивного глагола с двумя независимыми друг от друга аккузативами, обозначающими неоднородные объекты (чаще всего — лицо и предмет), на которые в равной степени (по крайней мере, формально) распространяется глагольное действие. Эти примеры относятся главным образом к глаголам двух лексико-грамматических групп: движения и обучения. Так, А. В. Попов (1881:246) отметил в сборнике латышских народных песен Я. Спрогиса (1868: 92) (напечатанном, как известно, кириллицей) следующий оборот: *Irbit maņi celju veda* 'Куропатка вела меня по дороге (букв. дорогу)'; аналогичную конструкцию при каузативном глаголе обнаружил Я.

Эндзелин: *tas mani dzil'us dubl'us kãjĩnãm bridinãja* 'он перевел меня вброд (точнее, каузировал перевести) [через] глубокий омут' (Endzelin 1922:433). Несколько биаккузативных конструкций зафиксировано при глаголах *mokyti* (*mokinti*) и *mãcĩ* и производных: лит. *jis mokĩna manẽ rãszta* 'он учит меня письму', *mokĩk tãvo vãlẽ dukrĩtẽ* 'учи доченьку твоей воле' (Schleicher 1856:263, см. также Brugmann 1911:635, Hirt 1934:95), каипо *anus hukinikas scheiminã ir waikus sawa tur mokinti* (Вилентас) 'как отец семейства должен им (Acc. pl. – десяти заповедям) обучать семью и детей своих' (Fraenkel 1928:76, Schmalstieg 1988:236), ир *prancúsizskas manẽras mũs pamokino* (Донелайтис) 'и французским манерам нас поучил' (Fraenkel 1928:76), лтш. *es vin'u [...]* *izmãcĩšu vis'smalkãkuo amatu* 'я его научу тончайшему ремеслу' (Endzelin 1922:434, Fraenkel 1928:76). Несомненными рефлексамии двойных объектных винительных являются страдательные обороты, в которых личный аккузатив трансформируется в номинатив при сохранении предметного винительного: лит. *ãsz esũ mokĩnãms tã rãszta* 'я обучаем грамоте' (Schleicher 1856: 263, Fraenkel 1928:13), лтш. *vai mẽs ẽsam valuodu mãcĩti ?* 'разве мы обучены языку?' (Endzelin 1922:434). Немногочисленность подобных примеров, повторяющихся из работы в работу либо, напротив, не учитываемых в обобщающих исследованиях, дала А. Вайяну основание расцепить их как „gares et dialectaux” (Vaillant 1977:36).

Однако важность литовских и латышских конструкций с двойным объектным винительным определяется не количеством зарегистрированных употреблений, а их значимостью для сравнительно-исторического синтаксиса балтийских, славянских и в целом индоевропейских языков. Дело в том, что именно глаголы движения и обучения демонстрируют в языках с древнейшей письменной историей наибольшую склонность к сочетаемости с двумя аккузативами, ср. др.-инд. *senãm nadĩm tarati* 'переправляет войско через реку', *tvãm çiksyãmi tat* 'я научу тебя этому' (Попов 1881:181, 249), др.-греч. *τὴν στρατὸν στενὰς ὁδοὺς ἄγειν* 'вести войско по тесным дорогам', *διδάσκω τοὺς παῖδας τὴν γραμματικὴν* 'учу детей грамматике', лат. *copias flumen traducere* 'перевести войско через реку', *doceo te litteras* 'учу тебя грамоте'. Причины столь своеобразного управления заложены в самой семантико-синтаксической структуре анализируемых глаголов, которые являются формальными

либо смысловыми каузативами и вследствие этого способны соединяться как с исходным аккузативным объектом некаузативного глагола (Acc₁), так и с винительным каузируемого лица (Acc₂), ср. лтш. *brist, iet* + Acc₁ [*labbãk tẽwa dubltus briddu, ne tãutischa lãipu gãju* 'лучше бродить мне по лужам отца, нежели ходить по мосткам мужа' (Bielenstein 1863:394)] → *bridinãt, vest* + Acc₁ + Acc₂; лит. *mokėti* + Acc₁ (например, *kalbã* – букв. 'уметь язык') → *mokinti* + Acc₁ + Acc₂ 'darýti, kãd kãs mokėty' (Явнис 1916:200–201). В древних индоиранских и древнегреческом языках двойной объектный винительный нередко используется и при каузативах иной семантики, но в балтийских языках данные по другим группам глаголов весьма скудны, ср. лит. *jis szũnĩ tã sriũbã lãkin* 'er macht den Hund die Suppe fresen', *jis rãszjdina manẽ rãszta* 'er lãsst mich die Schrift schreiben' (Schleicher 1856:263, Fraenkel 1928:158).

В более широком плане рассматриваемый феномен предстает, безусловно, не как „anomalie syntaxique” (Haudry 1978:159), а как закономерная реализация исконной функционально-семантической многоплановости, диффузности винительного падежа, выполнявшего в праиндоевропейском целый ряд слабо дифференцированных функций (Десницкая 1984:77–80, Гамкрелидзе, Иванов 1984:285). Блестящее психологическое объяснение подобным формам – хотя, естественно, трудно верифицируемое – дал А. А. Потебня, предполагающий, что на ранних стадиях языковой эволюции два типа объектов – „ближайший, непосредственный предмет восприятия, познания, речи” и „дальнейший, более самостоятельный”, – „во все не различаясь в сознании, одинаково выражались простым винительным”:

Это напоминает состояние дитяти, только что начинающего пользоваться чувствами и протягивающего руки к предметам, которых схватить не может, или состояние людей, для которых не существует перспектива при графическом изображении видимых предметов (Потебня 1958:296–297).

Совершенно очевидно, в то же время, что развитие структуры простого предложения в индоевропейских языках, предполагающее установление все более строгой противопоставленности ме-

жду субъектом и объектом, и формирование залоговой оппозиции “актив/пассив”, которая в принципе исключает сохранение объектов, не преобразующихся в подлежащее страдательной конструкции, постепенно должны были привести к вытеснению первоначальных сочетаний с двумя объектными винительными. Неудивительно, что в языках с относительно поздней письменной фиксацией такие обороты встречаются реже, чем в древнейших памятниках индоевропейской языковой истории.

В частности, в славянских языках соответствующие примеры отмечались до сих пор крайне редко: в фундаментальных трудах по сравнительному славянскому синтаксису фигурирует лишь около десяти биаккузативных конструкций (Miklosich 1926:389–390, Vondrák 1908:313, Vaillant 1977:35–36), причем иногда они даже квалифицируются как поздние или заимствованные (Fraenkel 1928:76, Libš 1981:120). Между тем целенаправленное исследование письменных источников позволяет существенно пополнить имеющийся материал. Так, в один ряд с латышскими конструкциями при глаголах *vest* и *bridināt*, старосербским *Savou rьkou пръвезеть* и ‘переправит его через реку Саву’ (Дан., 2, 480), старопольским *obwiódł je drogę* ‘circumduxit (eos) per viam’ (Miklosich 1926:389–390) и др. следует поставить около сорока примеров, обнаруженных нами в древнерусских (XI–XIV вв.) и среднерусских (XV–XVII вв.) памятниках. Некоторые формы с двойным объектным винительным, действительно, представлены в текстах, переведенных с греческого, и совпадают с управлением оригинала (*рькою* великою ноужною *прведе мя* ПНЧ XIV, 186 – *τὸν ποταμὸν τοῦτον τὸν βίαιον καὶ μέγαν διεβίβασέ με; превезохъ тѣ рькою* Там же – *διεβίβασά σε [...]* *τὸν ποταμὸν*). Замечательно, однако, что аналогичные обороты в том же самом тексте (притча св. Ефрема о праведных и грешных) наблюдаются и в составе так называемого *Лобковского пролога*, характеризующегося обилием диалектных (прежде всего фонетических) черт, ср.: *великою сию рькою* ноужною акы въ сне *пръвезе мя* ПрЛ XIII, 72а. Этот факт позволяет предположить, что биаккузативные конструкции по крайней мере не были чужды речевому узусу писца. Еще одним подтверждением употребительности двойного объектного винительного в древнерусском языке могла бы служить конструкция из оригинального сочинения – поучения Феодосия Печерского о

терпении и смирении: *вздающе хвалу живодавцю Богу, прѣпрводившу насъ врѣсту ноцную* Феод. Печ. (Ер.), 178. Правда, все приведенные примеры почерпнуты из церковно-книжных текстов, что оставляет возможность для традиционной интерпретации их как церковнославянских калек с греческого, хотя спорадические случаи несоответствия в синтаксисе переводных текстов и греческих первоисточников свидетельствуют в пользу определенной независимости переводчиков от форм оригинала, ср.: *имъ за роукою Агапия. прведе и стѣны* ‘провел его сквозь стены’ Усп. сб., 470 – *εἰσήγαγέν με διὰ τοῦ τεύχους*. Более убедительным аргументом против предположения о заимствованном характере двойных объектных винительных является достаточно частое их использование в деловых памятниках XV–XVII вв., явно не ориентированных на церковно-книжные языковые нормы, ср.: *того нашего слугу Мануыла велѣли [...]* *море перепровадити* Ревел. а. I, 6–7; *Абды-Рахманъ бы меня велѣль рьку перевести въ судѣхъ Крым. д. II, 270; А взмоливши такъ, что тѣ улусы Волгу и Днѣпръ перепровади, и изъ Волгу и Днѣпръ тѣ улусы перепроважу* Крым. д. II, 297; *а велѣль бы ихъ встрѣтити за пятьдесятъ верстъ отъ города, а городъ Смоленскъ велѣль пословъ обвести* Польск. д. I, 564; *велели техъ трехъ мурзъ [...]* *перевезть Донъ* Дон. д. I, 697; *и мы, изъ нарочно перепустя Дачну рьку, [...]* *пошли того жъ числа на бой АМГ III, 147.* Весьма показательно также употребление двойного аккузатива в фольклорных и близких к фольклору произведениях, ср.: *А кого перевезут Дунай, тот домой не думай* Сказ. о роск. житии, 33; *первый ров его бог перенес* (Буслаев 1959:498). На свободный, не лексикализованный статус этих конструкций указывает возможность их позиционного варьирования, в частности, при отрицании: *твоего посла Яна перевозники Днѣпръ перевезли, а нашихъ гостей Днѣпра не перевезли* Польск. д. I, 23.

Итак, есть основания утверждать, что двойной объектный винительный при глаголах преодоления пространства представлял собой естественный элемент древне- и среднерусской синтаксической системы. Немногочисленность подобных форм, свойственных в первую очередь актовой письменности, в памятниках других славянских языков того же периода может быть объяснена сравнительной редкостью соответствующих контекстов, вполне понятной

в условиях абсолютного преобладания богослужебной литературы среди письменных источников таких, например, языков, как старопольский или старочешский, весьма редко применявшихся для нужд деловой документации. Это объяснение допустимо экстраполировать и на балтийские языки, письменная фиксация которых, к сожалению, долгое время ограничивалась лишь церковными текстами.

Несколько иная ситуация обнаруживается при обращении к глаголам обучения, которые в древних славянских языках в силу своей семантики употреблялись преимущественно в сочинениях религиозного содержания – житиях, поучениях и т.п. На фоне балтийских биаккузативных конструкций, характерных, как видно из примеров, приведенных в начале статьи, для диалектной речи, древние славянские формы с двумя объективными винительными, встречающиеся почти исключительно в переводных источниках, могли бы быть расценены как кальки, ср.: Аврамъ [...] *звъздозаконьницу Египтяны научи* Хрон. Г. Амарт., 51 – ἀστρονομίαν Αἰγυπτίους ἐδίδαξεν; *приидохъ реч<е> наоучити вас потребная* ПНЧ XIV, 139г – διδάσας ὑμᾶς τὰ δεόντα. Однако столь поверхностному выводу препятствует уже наиболее ранний пример двойного объектного винительного в старославянском памятнике: *INO MNOGO PO-OUCHAAX SWATAJA* Супр., 256 ‘многому другому поучали святых’ (речь идет о двух святых, поэтому личный объект стоит в форме двойственного числа). В греческом тексте употреблен глагол ἀντιπαραίνεω ‘увещевать (в свою очередь)’, сочетающийся с дательным падежом лица и винительным предмета: τὰ αὐτὰ καὶ ἄλλα πλείονα ἀντιπαρῆνον τοῖς ἀγίοις. Это несоответствие показывает, что славянский переводчик предпочел калькированию, которое могло бы привести к возникновению аномального для славянской речи оборота “учить кому что”, самостоятельную образованную биаккузативную конструкцию, по всей видимости, не чуждую славянскому грамматическому строю. В пользу автохтонного, а не заимствованного характера двойных объектных винительных говорят и примеры из оригинальных восточнославянских источников, непосредственно не ориентированных на греческие образцы: *вси же съврстынии отроци [...] оукаряхоути и [...] и то же врагоу наоучающю я* ‘все сверстники издевались над ним, и этому

научал их дьявол’ Усп. сб., 77 (*Житие Феодосия Печерского*) (см. Крысько 1991:134); что ей Ярославка говорила, и како ея оучила из усть темная ихъ имена Ж. Пр. Уст¹, 163.

Необходимо подчеркнуть, что, вопреки утвердившемуся мнению, двойные объектные винительные при глаголах обучения широко представлены (в более поздние периоды) и в светской литературе других славянских народов, ср.: сербохорв. *Nauč' neumića knigu* (RHSJ, 33, 714); *Ja sam došo, da ti mene učiš kakvi zanat* (RHSJ, 79, 175); чеш. *[Myslivec psa] vycvičil a mnohé umělé kousky ho naučil* (PSJČ, 3, 266); словац. *učit' deti matematiku* (SSJ, 4, 638) и т.д. (см. Гортан-Премк 1971:119–120).

Очевидно, что при наличии структурно идентичных, хотя и не одинаково распространенных конструкций практически во всех славянских, литовском и латышском языках правомерно рассматривать их не как заимствования (и искать источник заимствования для каждого отдельного случая), а как исконное балто-славянское явление, восходящее к общим индоевропейским истокам.

Доказательством древности балтийских и славянских биаккузативных конструкций могут служить образованные от них и характерные прежде всего для балто-славянского ареала транзитивные рефлексивы, т.е. возвратные глаголы, в которых рефлексивный элемент *ся* (*se, si* и т.п.) соответствует личному объекту каузативной конструкции, а предметный объект сохраняется ($V + Acc_1 + Acc_2 \rightarrow V_{ся} + Acc_1$).

Для глаголов движения интересующий нас материал ограничивается восточнославянскими примерами – вероятно, потому, что ранние памятники других славянских и балтийских языков, в отличие от русских летописей и государственных документов, почти не содержат описаний переправ через водные преграды, тогда как именно в таких описаниях чаще всего встречаются глаголы типа ‘переправиться’. В древне- и среднерусских текстах транзитивные рефлексивы со значением преодоления пространства представлены более чем пятьюстами примерами (Крысько 1986), ср.: *перобродяся Дньбрь* Новг. I лет. (Н.), 63; *перевезся Волгу* Рог. лет., 143; Татарове *Нерль-ръку бродятся* Ник. лет., т. XII, 64; *ръку во-зитца* Крым. д. I, 120; *переправилис де Ботъ реку* Грамотки, 133 и т.д.

Значительно более широко отражены как в балтийских, так и в славянских языках транзитивные возвратные глаголы со значением обучения. Для латышского, чешского, словацкого языков такое управление является нормативным (ср. лтш. *mācīties dzejoli* букв. 'учиться стихотворение', чеш. *naučiti se báseň*, словац. *naučit'sa matematiku*); в истории литовского языка глагол *mokytis* отмечается не только с родительным, но и с винительным падежом, например: *išz galvós szwentūs mokinosi mókslus* (Донелайтис) 'наизусть выучился священным знаниям' и др. (Fraenkel 1928:76). В большинстве славянских языков, особенно на более ранних этапах их развития, аккумулятив при *verba discendi* засвидетельствован достаточно многочисленными примерами. Древнейшая фиксация датируется XI веком, однако эта старославянская конструкция не может считаться вполне показательной, так как она идентична форме греческого оригинала: ЦРЪНОРИЗЪЧЪСХИХЪ ИСТИНХЪ [...] НАОУЧАТИ С.А. Супр., 284 – *την μοναχικήν παιδεύεσθαι ἀκριβείαν*. Та же особенность присуща древнерусскому материалу, не дающему полной уверенности относительно некалькированного статуса управляемых форм, ср.: [Платон] *наоучижеся* от Еврѣя *бо <go> словои*, аще и не явѣ истое Хрон. Г. Амарт., 78 – *ἔμαθε [...]* *θεολογίαν, εἰ καὶ μὴ σαφεστάτην*; с <ва> *тою грамотоу оучитися* ПНЧ XIV, 86 – *τὰ ἱερὰ γράμματα ἐκμανθάνειν*; *належащую намъ бѣду ясно наоучитомся* ПНЧ XIV, 183 в–г – *τὸν ἐπικείμενον ἡμῖν κίνδυνον σαφῶς ἐδιδάχθημεν*. Существенно, однако, что с точки зрения словообразовательной древнерусские примеры нередко отличаются от греческих источников: в то время как в греческом значении 'изучить, постигнуть' чаще передается активными формами глагола *μανθάνω*, в славянских переводах им соответствуют рефлексивы. Поскольку возвратные глаголы указанной семантики (*учити, изучити* и др.) бесспорно наличествовали в праславянском лексическом фонде, ясно, что в данном аспекте переводчики проявляли известную самостоятельность; возможно, и выбор управляемой формы также не обязательно обуславливался только подражанием греческому образцу.

Более ярким доказательством исконного, не заимствованного характера транзитивных конструкций с возвратными глаголами обучения (а тем самым – и сочетаний с двойным объектным винительным) представляется древнепрусский пример: *Erains mukinsusin*

swaian mukinsnan – Ein jeder lern sein *Lectio* 'каждый пусть учит(ся) свой урок' (Генюшене 1981:154). Э. Генюшене установила, что невозвратный глагол *mukint* мог соединяться как с винительным лицом (Kaigi ains Buttas Taws swaian *Seimanan turri mukint* Angsteina bhe Bitai sien Signāt – Wie ein Hausuater sein *Gesinde* sol *lehren* Morgens und Abends sich Segnen), так и с винительным предметом (*stan madlin kawijden noumas nouson Rikijs Christus sups mukinnons* – *das Gebet* so vns vnser Herr Christus selbs *gelehret*); следовательно, в форме *mukinsusin* возвратный аффикс субституирует личный объект, а дополнение *mukinsnan* соответствует предметному объекту нерелексива. Поскольку в немецком тексте использован невозвратный глагол (*lern*), можно заключить, что указанная прусская конструкция является собой древнейший балтийский пример сохранения винительного падежа при декаузативном рефлексиве, независимый от формы немецкого источника, и подтверждает автохтонность подобного управления в балтийском ареале (ср. Генюшене 1983:65).

С другой стороны, и поздние славянские, в частности русские, сочетания с винительным падежом при возвратных глаголах обучения, отмеченные в светских текстах и в фольклоре, никоим образом не могут считаться реликтом калькированных церковнославянских конструкций, ср.: *Училъ ся* ли ты некоторую *игру* Lud., 61; *веревки* и всякое карабельное *знание* могут *изучитися* вскорѣ Докл. в Сенате II, 326; *азбуку, часословъ и псалтырь обучилъся* Мат. ист. АН III, 411; *научилась* только *три слова* (Шахматов 1941:333); А в одной мы школы *грамоту училисе* Арханг. был. I, 348; *Изучилса* Васька *грамотку тарханьскую* Арханг. был. III, 107.

Исследованные факты дают основание полагать, что и в древних славянских текстах сохранению предметного аккумулятива при рефлексивах типа *учитися* способствовало не столько воздействие греческого синтаксиса (в этом случае в переводных памятниках неизбежной была бы фреквенция аккумулятивных форм, свойственных греческому, чего мы в действительности не наблюдаем), сколько существование таких оборотов в живой речи.

Итак, в балтийских и славянских языках имеются во многом тождественные структуры с глаголами движения и обучения, демонстрирующие:

во-первых, употребление винительного падежа предметного объ-

екта при исходных некаузативах [типа лит. *Juoda purva geik braidyti* букв. 'нужно бродить черное болото' (LKŽ, 1, 984) – др.-рус. *бродиша Клязму Соф.* I лет., 237; лтш. *mācēt valodu* букв. 'уметь язык' – др.-рус. *манастирьское да выкнеть оустроение* 'пусть усвоит манастирские порядки' УСт XII/XIII, 232 об.];

во-вторых, использование двойного объектного винительного при каузативах (типа "вести кого [через] что", "учить кого что" – примеры см. выше);

в-третьих, наличие транзитивных рефлексивов, элиминирующих личный объект каузативной конструкции и сохраняющих предметный объект (типа "переправляться [через] что", "учиться что" – примеры приведены).

Несомненная общность балтийского и славянского материала, обнаруживаемая на всех указанных участках синтаксической системы, позволяет считать рассмотренные балто-славянские явления наследием и развитием индоевропейских семантико-синтаксических отношений.

Что же касается дальнейшей судьбы проанализированных конструкций в отдельных языках, то здесь просматривается, с одной стороны, общая тенденция к устранению двойных объектных винительных, с другой – самостоятельные для каждого из языков и длительные поиски новых форм, способных передавать значение того или иного из устраняемых объектов. Именно позднейшим („*einzelsprachlich*") стремлением к вытеснению одного из аккузативов объяснения, на наш взгляд, отмечаемая на всем протяжении истории балтийских и славянских языков вариативность управляемых форм при глаголах движения и в особенности обучения, ср.: лтш. *māci dziedmas māsiņām* букв. 'учи песни сестричкам' – *kas mācīja barenīti darbiņam (darbiņā)*? букв. 'кто учил сиротку работе (в работе)?' (Endzelin 1922:425, Fraenkel 1928:76–77); др.-рус. *събра бо премоудрыя в Навроу, в нихъ ж<е> ови философию и земному числу, овы на звѣздозаконие [...] научити повелѣ Хрон. Г. Амарт., 510* (в греческом оригинале трем различным формам славянского перевода соответствует аккузатив: *τοὺς μὲν φιλοσοφίας καὶ γεωμετρίας, τοὺς δὲ ἀστρονομίας [...] διδάσκειν*) (см. также Крысько 1991:135–138); ср.-рус. князь же Олегъ *обведе царя землю Рязанскую* Хроногр.: 1512 г., 415 – *обведе царя около отчины своя, земли Рязанские*

Моск. лет., 206; *Федора не перепустило морской проливъ – и онъ посла Федора через морской проливъ велить перепроводити* Лебед. лет., 290; *Тоболь де рѣку перевозили изъ Калмыковъ – изъ Калмаковъ [sic!] перевозили за Тоболь рѣку* ДАИ VIII, 39.

Аналогичные колебания засвидетельствованы памятниками и фольклором балтов и славян при глаголах типа „просить”, „спрашивать”, совмещающих в своей семантической структуре значения ‘узнавать, требовать’ и ‘обращаться с просьбой, вопросом (т.е. каузировать ответить)’. Так, в литовском глагол *prašyti*, управляющий винительным лица, сочетается с родительным либо винительным предметом: *jo sunus jį prašyti dūnos* ‘если бы сын попросил у него хлеба’ – *Jis prászė vėl tūs paczùs pinigùs* ‘он просил еще тех самых денег’ (Meillet 1897:160, Schleicher 1857:128, см. также Fraenkel 1928: 69–71); в латышском, напротив, при неизменности аккузатива в роли предметного объекта варьируются формы личного дополнения: *kuo nabags nabagam prasa* букв. ‘что нищий нищему просит’ – *prasi nuo brāļa savu daļu* ‘требуй у брата свою часть’ (ME, III, 377). В славянских языках наблюдается широкая вариативность форм предметного объекта, например, в старопольском: *prosić czegoś – k szemiś – coś – o coś – prze coś – za coś* (SSP, 41, 63–64); в древнерусском: *сздравие стражоущемоу прося* Выг. сб., 345 – *твоих м[о]л[и]тв[и] прося* Выг. сб., 407, в среднерусском: *просячи дороги* [Gen.] *гостемъ и обереженне* [Acc.] Лебед. лет., 113; впрочем, и личный объект не имеет абсолютно регулярного выражения, ср. рус. *спросить кого – у кого*, пол. *prosić czego i kogo – prosić kogo o co* (Linde, 4, 481). В целом не вызывает сомнения, что как балтийские, так и славянские глаголы указанной семантики способны сочетаться и с винительным лица, и с винительным предмета, причем именно аккузативные формы в том и другом значениях являются общими для всех языков, а следовательно, с большой степенью вероятности могут считаться генетически первоначальными. Правда, соединение обоих возможных аккузативных дополнений в одной биаккузативной конструкции встречается в данном ареале редко: лит. *Verniūkas prašė mokytoją knygą* ‘Мальчик попросил у учителя книгу’ (чаще – родительный предмета, см. Степанов 1989:157); др.-рус. *о вьсемъ родителный предмета*, см. Степанов 1989:157); др.-рус. *о вьсемъ еже мя впрашаеши не вѣдѣ ничьсо же – букв. ‘что меня спрашиваешь’* ЧудН XII, 716 (ср. сохранение предметного аккузатива

при пассивном преобразовании: *впросимъ бѣ нѣкогда боляры своими виноу сию* Хрон. Г. Амарт., 221 – *ἔρωτηθεῖς οὖν ποτε τὴν αἰτίαν*); ст.-пол. *pytalszczye nasz geden ortel* (SSP, 46, 414), сербохорв. *ja ću vas upitati jednu riječ* букв. 'я хочу спросить вас одну вещь'; верхнелуж. *grasěj me tu věc* (Miklosich 1926:389); словац. *prosit' koho o čo – za čo – čo* (SSJ, III, 629). Тем не менее, по-видимому, не будет преувеличением предположить, что и в этой лексико-грамматической группе исконной для балто-славянских глаголов была сочетаемость с двумя объектными винительными, сохранившаяся в письменных источниках лишь в виде реликтов, но восходящая – с учетом соответствующих конструкций в древних индоиранских, древнегреческом, латинском, германских языках (Gaedicke 1880:267, Brugmann 1911:634–635) – к общеиндоевропейскому состоянию.

ИСТОЧНИКИ

- Linde – Linde, S. B., *Słownik języka polskiego*. Т. IV, Lwów 1858.
 LKŽ – *Lietuvių kalbos žodynas*, 1, Vilnius 1968.
 ME – Mülenbachs, K., *Latviešu valodas vārdnīca*. Red., papild., turp. J. Endzelīns. III. sējums, Rīga 1927.
 PSJČ – *Příruční slovník jazyka českého*. D. III, Praha 1938–1940.
 RHSJ – *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Sv. 33, 79. Zagreb 1914, 1967.
 SSJ – *Slovník slovenského jazyka*. IV. d. Bratislava 1964.
 SSP – *Słownik staropolski*. Т. 7, z. 41, 46, Wrocław etc. 1973, 1976.
 Дан. – Даничић, Б., *Речник из књижевних старина српских*. Д. 2, Београд 1975.
 Супр. – *Супрасълски или Ретков сборник*. Т. I–II, София 1982–1983.

Сокращенные обозначения древнерусских источников, сопровождающиеся указанием века, приводятся по изданию: *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, Москва 1988–, прочих восточнославянских источников – по изданию: *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, Москва 1975–.

ЛИТЕРАТУРА

- Bielenstein, A. (1863), *Lettische Grammatik*, Mitau.
 Brugmann, K. (1911), *Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, 2. Bd, 2. Т., Straßburg.
 Endzelin, J. (1922), *Lettische Grammatik*, Riga.
 Fraenkel, E. (1928), *Syntax der litauischen Kasus*, Kaunas.
 Gaedicke, K. (1880), *Der Akkusativ im Veda*, Breslau.
 Haudry, J. (1978), *L'emploi des cas en védique*, Lyon.
 Hirt, H. (1934), *Indogermanische Grammatik*, Bd. VI, Heidelberg.
 Libš, J. (1981), *Syntax der sorbischen Sprache in der Oberlausitz*. Fotomechanischer Neudruck, Bautzen.
 Meillet, A. (1897), *Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieux-slave*, Paris.
 Miklosich, F. (1926), *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*, IV. Bd, *Syntax*. Manulneudruck, Heidelberg.
 Schleicher, A. (1856), *Handbuch der litauischen Sprache*. I. *Litauische Grammatik*, Prag.
 — (1857), *Handbuch der litauischen Sprache*. II. *Litauisches Lesebuch und Glossar*, Prag.
 Schmalstieg, W. R. (1988), *A Lithuanian Historical Syntax*, Columbus (Ohio).
 Vaillant, A. (1977), *Grammaire comparée des langues slaves*. Т. V, *La syntaxe*, Paris.
 Vondrák, W. (1908), *Vergleichende slavische Grammatik*. II. Bd, Göttingen.
 Буслаев, Ф. И. (1959), *Историческая грамматика русского языка*, Москва.
 Гамкрелидзе, Т. В., Иванов, Вяч. Вс. (1984), *Индоевропейский язык и индоевропейцы*, Тбилиси.
 Генюшене, Э. (1981), "Рефлективы в прусском языке", *Baltistica* 17, 143–155.
 — (1983), *Рефлективные глаголы в балтийских языках и типология рефлективов*, Вильнюс.
 Гортан-Премк, Д. (1971), *Акузативне синтагме без предлога у српскохрватском језику*, Београд.